М.С. Коляда, Н.Н. Трубникова*

УРОКИ ИСТОРИИ В «СОБРАНИИ СТАРОДАВНИХ ПОВЕСТЕЙ»:
ПО РАССКАЗАМ ИЗ ЖИЗНИ СЕМЬИ ФУДЗИВАРА**

История семьи Фудзивара в старинной японской словесности обсуждается как в памятниках, целиком посвященных ей («*То:си кадэн*», «*Оокагами*»), так и в текстах с более широким охватом тем. «*Кондзяку моногатари сю:*» («Собрание стародавних повестей», 1120-е гг.) включает в себя подборку рассказов о сановниках из рода Фудзивара (свиток 22-й). Не будучи историческим сочинением, «*Кондзяку*» тем не менее представляет особый взгляд на прошлое, достоверное в смысле внутренней связности событий и поучительное в смысле осуществления всеобщего закона причин и последствий в судьбах конкретных людей. Универсальные буддийские уроки сочетаются здесь с особыми выводами для каждого из разрядов людей (монашеский путь, «путь воинов», «путь разбойников»). В случае Фудзивара перед нами «путь знати»: сановники предстают скорее не как политики в борьбе за влияние при дворе, а как носители семейной традиции служилых аристократов. Она предполагает особый навык выбора жен и распределения детей по достойным должностям сообразно природным задаткам, а критерием успеха служит дальнейшее процветание рода. За пределами 22-го свитка в «*Кондзяку*» также встречаются рассказы о людях из рода Фудзивара, включая его младшие ветви. У них свои обрядовые предпочтения и своя удача, Фудзивара по-особому страдают, умирают, шутят и грешат. Порой по рассказам из разных свитков можно проследить судьбу одного и того же человека в разных ее поворотах: такие личные истории, проходя сквозь тематическую структуру собрания, укрепляют его внутреннее единство, работают на впечатление связи всех со всеми в большом мире людей и будд.

Ключевые слова: японская литература, *Кондзяку моногатари*, род Фудзивара, *сэцува*

The lessons of history in Konjaku Monogatari-shu (based on the Fujiwara clan stories). MARIA S. KOLYADA, NADEZHDA N. TRUBNIKOVA (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

The history of the Fujiwara family in classic Japanese literature is discussed both in the texts devoted entirely to it (*Tōshi kaden*, *Ōkagami*) and in texts with a

* КОЛЯДА Мария Сергеевна, научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: warriormary@yandex.ru

ТРУБНИКОВА Надежда Николаевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: trubnikovann@mail.ru

© Коляда М.С., Трубникова Н.Н., 2020

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-00558.

Авторы выражают благодарность А.Н. Мещерякову за научное редактирование перевода «Кондзяку», цитируемого в данной статье.

wider coverage of topics. *Konjaku Monogatari-shu* of the XIIth century includes a selection of stories about Fujiwara aristocrats (*maki* 22). Not being a historical narrative, *Konjaku* nonetheless presents a special look at the past, reliable in the sense of the internal connectedness of events and instructive in the sense of implementing the universal causality principle in the fates of people. Universal Buddhist lessons are combined here with special conclusions for each of the categories of people (the monastic path, the «path of warriors», «the path of robbers»). In the case of Fujiwara, we have the «path of the nobility»: ministers and courtiers appear more likely not as politicians in the struggle for influence at court, but as carriers of the aristocratic family tradition. It presupposes a special skill in choosing wives and distributing children to worthy positions in accordance with natural inclinations, and the glory of the family serves as a criterion for success. In other *maki* of *Konjaku*, there are also tales of people from the Fujiwara clan, including its minor branches. They have their own ritual preferences and their own luck, Fujiwara people suffer, die, joke and sin in a special way. Sometimes, from the stories from various *maki*, we can trace the fate of the same person in its different turns: such personal stories, passing through the thematic structure of *Konjaku*, strengthen the internal unity of the text, work on the impression of the connection of everyone with everyone in the big world of people and Buddhas.

Keywords: Japanese literature, *Konjaku Monogatari-shu*, Fujiwara clan, *setsuwa* tales

Рассказы *сэцува* принято относить к «литературе факта», а не «литературе вымысла»; для повествователя все сообщаемое – «правда», все было на самом деле. В самом крупном своде *сэцува*, «Собрании стародавних повестей» [4], каждый рассказ начинается со слов *кондзяку / има-ва мукаси* («давным-давно», «в стародавние времена»), что подразумевает своего рода «исторический» взгляд, интерес к минувшему как поучительному для нынешних дней. От историчности в современном смысле слова эти рассказы еще дальше, чем, например, «зеркала» *кагами* или «исторические повести» *рэкиси-моногатари*, хотя для историков религий, быта, нравов *сэцува* дают богатейший материал¹. Но и для темы «исторического сознания» средневековых японцев эти рассказы могут послужить ценным источником: по ним видно, какие эпизоды родной истории были особенно широко известны и как их толковали в эпоху составления сборника.

¹ Вопрос об историчности самих «Стародавних повестей» (реальности обсуждаемых событий) ставился, например, в книге Х. Кобаяси [17], но поддержки у историков-японистов этот подход не встретил. При этом, скажем, в хэйанском томе «Кембриджской истории Японии» [19] из «Кондзяку» берется множество примеров для описания имущественных отношений, способов ведения хозяйства и пр.

Условно «историческим» рассказом можно считать такой, чьи действующие лица и события известны из современных им документов или из летописей, тех же «зеркал», из дневников придворных, если речь идет об эпохе Хэйан. Возможен и другой подход: называть «историческими» рассказы, где внимание сосредоточено на том, «как было» в старину, а не «как бывает» вообще на свете. В этом случае рассказы выстраиваются в хронологическом порядке, в пределах подборки прослеживается связность событий, а не только связность изложения (перекличка мотивов, повторение важнейших понятий). В индийской части «Кондзяку» можно с такой точки зрения считать «историческими» свитки, основанные на буддийской «канонической истории» (события времен Будды и первых веков распространения его учения), в китайской и японской частях – свитки, где говорится о приходе буддизма в эти страны. Именно на материале 11-го свитка, первого в буддийском разделе японской части, исследователи чаще всего и ставят вопрос об «историческом сознании» в «Кондзяку» (см.: [6]).

Мирской раздел японской части собрания, возможно, по замыслу составителей должен был начинаться с рассказов о государях (вывод этот делается по аналогии с китайской частью), однако от 21-го свитка мы имеем только

порядковый номер, сам он не сохранился или даже не был составлен. За ним следует свиток, посвященный сановникам из рода Фудзивара, 22-й из сохранившихся двадцати восьми. Здесь выдержаны хронологический и генеалогический принципы, одни рассказы более объемны, другие лишь кратко поясняют родственные связи между героями. Но несмотря на различную степень подробности, создается впечатление, будто весь свиток представляет собою один большой поучительный рассказ, в котором на примере судеб людей из отдельного рода показано, как работает закон воздаяния. На первый взгляд общий вывод кажется простым: род процветает «и по сей день» благодаря заслугам славных предков. Но так ли это?

Насколько нам известно, 22-й свиток «Стародавних повестей» специально не обсуждался в западном японоведении. На него опираются многие японские работы, особенно те, где «Кондзяку» сравнивают с «Великим зеркалом» («*Оокагами*»); особенностям свитка посвящено исследование Х. Ямаути [16], попытка выявить позицию составителя через анализ заключительных слов в 22-м и 23-м свитке отражена в статье Ли Сиджун [5]. Мы попробуем рассмотреть сюжеты и характеристики героев этого свитка, привлекая для сравнения также летописи и «Жизнеописания рода Фудзивара» («*То:си кадэн*», VIII в., далее – «*Кадэн*»).

Всего в 22-м свитке восемь рассказов, они охватывают события с VII в. (деяния Каматари, основателя рода) до рубежа IX–X вв. По меркам «Кондзяку» этот свиток очень невелик (обычный объем – около сорока рассказов); возможно, за рассказом 22–8 следовали другие, но они не сохранились.

Как и в других источниках, рассказ о Фудзивара в «Кондзяку» начинается с Тайсёккана – Фудзивара-но Каматари, первого, кому было пожаловано это родовое имя. История противостояния партии Каматари (она же партия наследника, будущего государя Тэнти) злодею Сога-но Ирука подробно изложена в «Анналах Японии» («*Нихон сёки*», 720 г.), и повествователь в рассказе 22–1 в основном следует летописи, хотя и не воспроизводит длинного описания дерзостей Ирука, его открытых притязаний на власть. О Камако (Каматари) летописец говорит: «...С рождения обладал преданным и верным нравом, и сердцем был готов прийти на помощь. Он негодовал на Сога-но Оми Ирука за то, что он нарушил по-

рядок в отношениях между государем и подданным, между старшими и младшими и внес в страну раскол» [8, с. 134]. В «Кондзяку» же характер и помыслы Каматари показаны в действии. Как и в летописи, здесь есть эпизод: во время игры в мяч с ноги наследника слетает туфля, а Каматари почтительно ее подбирает, тем самым сгладив неловкость (этот случай упомянут и в «*Кадэн*», позже он станет хрестоматийным, войдет в число японских образцов преданности подданного правителю). В «Кондзяку», в отличие от «*Нихон сёки*» и «*Кадэн*», в этой сцене кроме Каматари и наследника присутствует также Ирука:

...как-то раз государь Тэнти, тогда еще ребенок, играл в мяч, и Ирука тоже туда явился поиграть.

В ту пору Тайсёккан до высших чинов еще не дошел... и тоже играл в мяч. И когда во время игры с ноги наследника слетела туфля, Ирука, возгордившись, ни во что не ставя дворцовые обычаи, в насмешку пнул эту туфлю в сторону.

Наследник нашел это очень оскорбительным, покраснел и остановился, а Ирука сделал вид, будто это было не нарочно. А Тайсёккан побежал за туфлей наследника и подобрал, не счел это для себя зазорным. Наследник был так обижен на Ирука, а [Каматари] быстро подобрал туфлю и обул на ногу наследнику. Преданность его была редкостной, прекрасной. Наследник понял: этот человек предан мне всем сердцем! – и позже сказал о том своим приближенным, когда к слову пришлось.

Планы Каматари и наследника по устранению Ирука в «Кондзяку» даны в диалоге:

Ирука возгордился безмерно, потом и приказов государыни [Ко:гёку] то и дело не исполнял. А на что не было воли государыни – то он делал, и наследник все чаще думал в сердце своем: так не пойдет!

И вот наследник как-то раз тайком отозвал Тайсёккана в безлюдное место и сказал ему так:

– Ирука постоянно ведет себя непочтительно со мной. Он дерзок и приказы государыни тоже то и дело нарушает. В итоге нет ничего хорошего в том, что этот

Ирука вообще живет на свете. Думаю, надо бы его убить.

Тайсёккан и сам все время думал, что так не пойдет, и когда наследник сказал ему это, отвечал:

– Я и сам, признаться, думал об этом. А раз уж вы так решили, следует об этом позаботиться.

Наследник обрадовался, и, обсудив все с Каматари, укрепился в своих намерениях.

В еще большей мере, чем для *«Нихон сёки»*, история взаимоотношений Каматари и государя важна для *«Кадэн»*, где первый свиток посвящен восхвалениям Тайсёккана (даже обстоятельствам его рождения придается чудесная окраска). Составители *«Кадэн»*, Фудзивара-но Накамаро и монах Энкэй, ориентировались на жанр китайских официальных биографий, включаемых в летописные своды [10, с. 183], и проводили явную параллель между Каматари и самим Накамаро, стремившимся укрепить позиции южной ветви Фудзивара у кормила власти и показать, откуда взялась особенная связь между государевым родом и родом Фудзивара [10, с. 194–195]. Связь эта, зародившаяся в отношениях Каматари и государя Тэнти, изображается как сообразное конфуцианским идеалам сотрудничество мудрого государя и мудрого сановника, стратега, который сам выбрал себе господина, обладающего качествами, подходящими для работы на благо страны [14]. Биография Каматари и история его отношений с государем как правильной по конфуцианским меркам связи между господином и подданным следует китайским и корейским образцам [11; 18]; бесчинства Ирука, заговор против него и убийство злодея также описаны подробно. Рассказчик *«Кондзяку»* большинство деталей опускает, в частности Ямада-но Маро, одна из значимых фигур заговора, здесь не упоминается вообще. О других деяниях Каматари, которые могли бы характеризовать его как мудрого сановника и достойного человека, – помимо участия в убийстве Ирука, – рассказ не сообщает.

В сцене убийства Ирука в *«Кондзяку»* внешне возникает фантастический элемент. Если в *«Нихон сёки»* и в *«Кадэн»* раненный Ирука сам обращается к государыне, прося правосудия, то в *«Кондзяку»* уже отрубленная голова вопиет: «Нет за мною никакого греха! За что ж убили?!» Хотя в целом летописи и содержат сообщения о чудесах (особенно различных знамениях), в

этом случае события в *«Анналах»* излагаются в реалистичном ключе. В *«Кадэн»* особенный акцент ставится на то, что свержение Ируки спланировано было Каматари и происходило именно по его воле.

В *«Кондзяку»* в рассказе о событиях после убийства не упоминаются правление государя Коттоку – того самого принца Кару, с которым был дружен Каматари, – и второе правление государыни (под именем Саймэй). В заключение рассказывается о погребении Тайсёккана. Особенно подробно описание его похорон в *«Кадэн»*, но сами по себе сообщения о похоронах – обычный раздел в японских жизнеописаниях, такие сообщения встречаются также в *«Оокагами»*.

Далее в *«Кондзяку»* следует серия менее подробных рассказов о потомках Каматари. В отличие от более упорядоченных кратких жизнеописаний в *«Сёку Нихонги»* (см.: [12]) или биографий министров из второго свитка *«Оокагами»*, которые более развернуты, чем жизнеописания государей из свитка первого, и имеют более «литературно» выстроенные сюжеты, хотя и исправно перечисляют все ранги, должности и значимые деяния министров, в *«Кондзяку»* упоминания носят менее систематический характер. О нескольких поколениях Фудзивара рассказывается будто вскользь. Жизнь сына Каматари, Дзёэ, которой посвящен отдельный свиток *«Кадэн»*, в *«Кондзяку»* не отражена вовсе, хотя и сказано, что он родился от той жены, которую государь уступил Каматари. Практически ничего не сказано о другом сыне, Фухито, который был значимой фигурой своего времени. Никто из сыновей Фухито, в том числе и Мутимаро, которому в *«Кадэн»* посвящен целый раздел, в *«Кондзяку»* отдельного внимания не получил; чуть больше, чем о других, написано о министре Фусаки – этот человек «несравненных дарований» снискал превосходную славу в свете и стал родоначальником северной, наиболее успешной ветви семьи.

«Великое зеркало», *«Оокагами»*, созданное во второй половине XI в. или в XII в., относят к историческим повестям *рэкиси моногатари*. В *«Оокагами»* история рода тоже предстает как единое целое, составленное из отдельных биографий различных людей. Объявляя целью повествования историю Фудзивара-но Митинага, один из рассказчиков, старец Ёцуги, говорит: чтобы описать жизненный путь этого министра, необходимо рассказать и о тех, кто жил до

него – подобно тому, как Будда говорил о других сутрах, прежде чем дать главную, «Лотосовую» [9, с. 39]. Такое сравнение предполагает, что сам Митинага воспринимается без отрыва от всех его предков, с которыми он имеет тесную связь. Вероятно, все благие деяния предков позволили в конце концов появиться среди их потомков великому человеку.

В «Кондзяку» прямо соотносятся благая судьба и наличие потомков: «В свете говорят: хотя в прошлом и были неудачи – в конце концов потомки процветают. Хотя в прошлом и было счастье – потомства нет. Все это – воздаяние из прошлых рождений» (22–5). Эта цитата из рассказа, где упомянуты сыновья министра Фуюцугу – Нагара, Ёсими и Ёсифуса. Первого из них обошли в должностях младшие братья, однако в дальнейшем судьба их семей сложилась так, что именно потомки Нагары стали более влиятельной ветвью рода. Для составителя «Кондзяку», как и для автора «Оокагами», это означает, что Нагара, уступавший братьям при жизни, в конечном счете одержал над ними верх [9, с. 56]. Таким образом, успех или неудача измеряются не масштабом одного человека, но масштабом достигнутого и им, и его предками и потомками. Как отмечает Е.Б. Сахарова относительно текстов жанра *кадэн*, в отличие от корейских и китайских жизнеописаний в японских человек не рассматривается независимо от его рода [10, с. 188]. Субъектом исторического повествования тогда в первую очередь можно считать род.

Если в первом рассказе 22-го свитка «Кондзяку» описаны ключевые для Фудзивара исторические моменты, а в следующих трех – генеалогия рода, то в пятом рассказе масштаб событий внезапно меняется. До того были проигнорированы важные деяния предыдущих поколений сановников Фудзивара, а теперь излагается частный случай, произошедший с Утимаро, внуком Фусасаки. По приказу принца министр оседлал норовистую лошадь, и та не расшибла отважного чиновника. Шестой рассказ повествует о детях Фуюцугу, сына Утимаро (о самом Фуюцугу ничего не говорится). Достаточно сжатое перечисление потомков и их успехов прерывает история о том, как министр Ёсифуса, второй сын Фуюцугу, сложил трогательную песню, в которой сравнил дочь-государыню с радующими его глаз цветами. Эта история есть и в «Оокагами». Для «Великого зеркала» в повествовании о министрах такой формат обы-

чен – будто в «хроникальное» повествование вставляются элементы *эцува*. Рассказ о Ёсими, другом сыне Фуюцугу, в посвященной ему части шестого рассказа в «Кондзяку» по большей части соответствует сказанному в «Оокагами». Но в «Оокагами» прямо говорится, что причиной низкого положения потомков Ёсими послужило то, что «младший брат превзошел старшего» (Ёсими Нагару) [9, с. 56].

Два последних рассказа свитка посвящены необычным историям брака. В рассказе 22–7 Такафудзи (сын Ёсикадо, четвертого сына Фуюцугу), когда его на охоте застала непогода, ищет укрытие от дождя и так знакомится с будущей женой, дочерью чиновника невысокого ранга. Несколько лет спустя он женится на этой женщине, а их дочери предстоит стать матерью государя Дайго. Такафудзи не был сам настолько видным чиновником, как герои предыдущих рассказов, а самые высокие звания получил из-за родства с государем – то есть, по сути, ему принес счастье именно его случайный брак, как и его жене, которая до того жила в бедности. В этом рассказе читается буддийская идея: удивительные и, казалось бы, случайные события обусловлены наличием крепкой связи между людьми в прошлых рождениях.

Герой рассказа 22–8 – левый министр Токихира, сын Мотоцунэ и внук Нагары. Повествование о нем в «Кондзяку» распадается на две части. Вторая, более объемная, сообщает, как Токихира хитростью забрал молодую жену-красавицу у своего пожилого родича – Куницунэ, брата Мотоцунэ. Первая – история о том, как государь разгневался на Токихиру за излишнее роскошество в одежде и выгнал министра из дворца (на самом деле это было разыграно специально, чтобы преподать урок другим придворным). Соответствующий эпизод есть и в «Оокагами», где сказано: «...Втайне ходил слух: к такой уловке прибегли, чтобы отучить [придворных] от роскоши, и государь действовал в согласии [с министром Токихира]» [9, с. 65]. В «Великом зеркале» Токихире посвящен достаточно объемный раздел, где среди прочего рассказывается об отношениях министра с Сугавара Митидзанэ (и кажется, будто на самом деле Митидзанэ представлялся автору личностью куда более замечательной, нежели Токихира, но, увы, не принадлежащей к роду Фудзивара, а потому о нем можно было рассказать только в связи с его соперником). Потомки Токихиры страдали из-за того, что он своей

клеветой погубил Митидзанэ, полагает автор. Зависть же Токихиры, подвигнувшая его на злодейство, была, в свою очередь, обусловлена не только понятными политическими причинами, но и связью из прошлых рождений.

Вообще относительно одинаковых сюжетов в «Оокагами» и «Кондзяку» единого мнения, насколько нам известно, нет. Эта проблема тесно связана с вопросом авторства «Оокагами» и отсутствия точных датировок [9, с. 11–14; 13, с. 69]. Существует гипотеза, что прямого заимствования не было ни из «Оокагами» в «Кондзяку», ни наоборот, а рассказы в том и другом памятнике были взяты из утерянного сборника *сэцува* – «Удзи дайнагон моногатари» [13, с. 61].

От других рассказов свитка восьмой отличается еще и отсутствием стандартной для «Кондзяку» заключительной формулы. Может быть, его окончание утеряно, как и последующие рассказы, если они существовали. А может быть, повествование обрывается специально: по той причине, что продолжение истории Токихиры и его жены не вполне укладывалось в общую концепцию свитка, либо же дело в смещении акцентов в повествовании. К примеру, можно рассматривать первые шесть рассказов как ряд биографий представителей Северной ветви рода Фудзивара, с доминирующей идеей объяснения нынешней удачи наследием прошлых рождений. Но два последних рассказа – это еще и истории любви, причем в рассказе 22–8 этот аспект становится намного ярче, и хотя главным героем вроде бы выступает Токихира, во второй половине рассказа его переживаниям почти не остается места, пожилой Куницунэ, персонаж то ли трагический, то ли наказанный за собственную глупость, привлекает куда больше внимания – особенно с учетом того, что повествование не обрывается на моменте, когда похищение жены совершилось. Выбываясь из цепи историй об успехе Северной ветви Фудзивара, этот рассказ развивает уже появившуюся в предыдущем тему сильных и с трудом поддающихся контролю душевных привязанностей, обусловленных любовным влечением и связями из прежних рождений. Продолжая эту линию, составитель еще больше отошел бы от первоначального курса изложения [16]. И все же в том обрывочном виде, в котором свиток существует сейчас, он производит впечатление цельного поучительного произведения.

В отличие от авторов «Кадэн», заинтересованных в возвеличивании деяний предков,

или повествователя в «Оокагами», составитель «Кондзяку» не ставит себе задачи на самом деле показать величие рода Фудзивара, как не стремится и к полноте исторической хроники. Множество крупных событий осталось без внимания рассказчика, а наиболее подробные эпизоды, за одним исключением, – вовсе не те, в которых фигурируют наиболее яркие исторические деятели. Можно было бы допустить, что составитель сборника рассчитывал на то, что такие вещи известны читателю, что последний и без того знает, чем славны были министры тех или иных лет, – но тогда для чего нужны рассказы, содержащие базовую информацию об этих людях? Для чего нужен пересказ событий времен заговора Каматари? В «Оокагами» видно, как реализован принцип сочетания исторических анекдотов и сухих хроникальных данных, в «Кондзяку» же этого нет.

Нет и попыток показать министров Фудзивара благочестивыми людьми. В «Кадэн» есть специальные разделы о Законе Будды (хотя в целом изначально Фудзивара больше были связаны с китайской образованностью и конфуцианскими нормами, нежели с буддизмом [7], а в «Кондзяку» нет особенных акцентов на религиозности описываемых героев, за исключением разве что Ёсими). Материалом для поучительного рассказа может стать как значимое для всей страны происшествие, так и мелкий эпизод частной жизни человека – из любого события можно извлечь урок, в этом отношении ситуации разного масштаба будто становятся рядоположенными. Как и люди: вне зависимости от статуса, они одинаково подвержены закону воздаяния, и потому любой человек может стать героем поучительного рассказа. Е.Б. Сахарова отмечает, что японские жизнеописания редко бывают отрицательными [10, с. 185], но в «Кондзяку» это вовсе не так. В «Оокагами» тоже есть описания, которые сложно назвать до конца положительными.

Из переплетений отдельных человеческих судеб, которые не рассматриваются в качестве исторического примера изолированно, складывается общая судьба рода. Влияние поступков каждого отдельного человека распространяется гораздо дальше, чем только на его личную судьбу. Его деяния могут навредить или помочь его потомкам, порождают различные связи между людьми, которые в будущей жизни могут либо вызвать несчастье, либо позволить человеку возвыситься. Каждый из людей живет той жиз-

нью, что обусловлена его прошлыми поступками. То же самое касается и рода в целом. Фудзивара сменили Сога и сумели властвовать в течении многих десятилетий не столько из-за того, что были замечательными, выдающимися людьми, сколько потому, что такова была предопределенность из прошлых рождений, подкрепленная деяниями предков.

Под прозвищем «Фудзивара» в «Кондзяку» появляются и наместники провинций, и чиновники на невысоких должностях, и «служилые вояки», упомянутые в рассказе 22–2 (когда остаются лишь такие потомки, это значит, что «достойные люди иссякли»), те, о ком говорится, что «таких потомков иметь – все равно что не иметь их вовсе» (22–5). Какого-либо особого почтения к Фудзивара-сановникам в «Кондзяку» нет, дела их оцениваются по тем же меркам, что и поступки других героев. Но как раз поэтому, на наш взгляд, в «Кондзяку» невозможно найти и какой-либо враждебности к Фудзивара, попыток осудить их притязания на власть. Те исследователи, кто такую враждебность видит, приводят в качестве примера рассказ 20–7. В нем Ёсифуса (804–872), отец государыни, приказывает оставить при дворе монаха, который сумел исцелить его дочь. Монаха охватывает преступная страсть к государыне, изгнанный из столицы, он вскоре умирает, но после смерти возвращается в облике ужасного демона и все-таки соблазняет государыню на виду у придворных. Но если даже виноваты в итоге оказываются Ёсифуса и его дочь, то лишь в том, что поддались злым чарам (см.: [15]). Вообще же могущество Фудзивара никаких возражений не вызывает: по закону воздаяния некоторым суждено родиться в особенно знатной семье, и в Японии такие условия предоставляет род Фудзивара. Так, в рассказе 14–6 в этом роду возрождается обезьяна, которая помогала монаху-отшельнику в краю Этиго переписывать «Лотосовую сутру» (собирала орехи и плоды ему для пропитания и кору для изготовления бумаги). Выросши и получив должность наместника Этиго, этот Фудзивара сразу, еще даже не познакомившись с новыми подчиненными, отправляется в горы, чтобы свидеться с монахом и вместе завершить работу над сутрой. Здесь заслуги от благого дела позволяют животному возродиться не просто человеком, а еще и знатным.

Что значит в «Кондзяку» носить прозвище Фудзивара? Герой рассказа 28–41 называет себя

так: «Вы обо мне, возможно, слышали. Я – Фудзивара-но Такой-то, школяр, изучаю исторические предания²». Говорит он это слугам некой знатной особы, когда те застают его на месте подвига: юноша пытается одолеть коварную жабу, которая завелась в дворцовых воротах и мешает проходу, ибо каждый вечер в потемках об нее кто-нибудь спотыкается. Школяр не замечает, что вместо жабы пинает ногами собственную шапку, слетевшую с головы, и в итоге над ним все смеются. Судя по этому примеру, порой для рассказчиков «Кондзяку» прозвище Фудзивара – показатель статуса и только; персонажи, именуемые так, могут быть никак не связаны с историей семьи, сам же статус бывает различным смотря по тому, о каких Фудзивара идет речь: регентах и канцлерах, придворных, наместниках и т.д. Другой пример – «некая дама из рода Фудзивара» в рассказе 15–50: преданно почитая будду Амиду, она слышит райскую музыку, год от года звуки становятся все громче, и, наконец, женщина возрождается в Чистой земле. Здесь для повествователя важно, что она – знатная мирянка, чья она дочь – не имеет значения.

Иногда в «Кондзяку» и вполне известные люди из семьи Фудзивара действуют как «Фудзивара вообще». Например, в рассказе 26–4 жизнь Фудзивара-но Акихире (989?–1066) спасают его роскошные штаны. Он уединился с возлюбленной в доме одной простолюдинки, ревнивый муж хозяйки напал было на него, но вовремя одумался, решив: человек, носящий такие шаровары, едва ли польстился бы на мою жену, значит, если он и соблазнитель, то чей-то еще³. В нескольких рассказах на месте Фудзивара мог оказаться кто угодно. Например, сын Ёсими, Фудзивара-но Цунэюки (836–875), становится свидетелем ночного шествия демонов (14–42); то же случается с незнатным героем рассказа 16–32, разница только в том, что юнога Цунэюки спасает оберег, припасенный кор-

² 藤原の某, Фудзивара-но Сорэгаси, «школяр» здесь – учащийся столичного Училища, Дайгаку.

³ Тема богатых нарядов Фудзивара поддерживается и в других рассказах, например, 25–7, где знаменитый вор Штанодер, Хакамадарэ, пытается ограбить доблестного воина Фудзивара-но Ясумасу, но тот его посрамляет. Любопытно, что Ясумаса описан как воин, во всех отношениях замечательный, но не оставивший потомства. Рассказчик объясняет это тем, что Ясумаса избрал занятие, не соответствующее его роду.

милицей, а его товарищу по несчастью помогает бодхисаттва Каннон.

Однако в «Кондзяку» за пределами 22-го свитка немало рассказов, где действуют хорошо известные особы из рода Фудзивара, регенты, канцлеры, министры и их ближайшие родичи. Мы обсудим несколько таких рассказов.

Разумеется, в 11-м свитке повествование о начале японского буддизма не могло обойтись без тех Фудзивара, кто основывал храмы и учреждал обряды. О родовом храме этой семьи, Ямасина-дэра (он же Кофукудзи), сказано, что Каматари построил его, чтобы благим деянием избыть грех – убийство Ирука (11–14). Также среди заслуг семьи – основание храмов Хасэ-дэра (11–31, Фусасаки) и Курама-дэра (11–35, Исэно, правнук Фухито). Тема храмов продолжается и в дальнейшем: например, когда Мотоцунэ страдает от недуга, знаменитые чудотворцы не могут исцелить его, а польzu приносит лишь молитва одного из монахов храма Гокуракудзи, который основал Мотоцунэ (14–35)⁴.

В рассказе 14–11 Фудзивара-но Митинага вместе с несколькими родичами, монахами и мирянами продолжает дело царевича Сётоку – учреждает чтения «Лотосовой сутры» в старинном храме Ситэннодзи. Вообще же Митинага, как и его сын Ёримити, самые могущественные из Фудзивара, в «Кондзяку» представлены сравнительно малым числом рассказов; в сборниках эпохи Камакура историй об этих двоих будет гораздо больше⁵. Иногда имена этих и других вельмож упоминаются лишь затем, чтобы обрисовать время и место действия: подобно тому как даты в рассказах даются по именам государей, но в данном случае имя задает несколько более конкретную экспозицию.

Например, в рассказе 28–30 события разворачиваются на кухне в усадьбе «господина Удзи» (Ёримити). Ему присылают с острова Авадзи ценный гостинец – *арамаки*, рыбу, заготовлен-

ную в свертках из бамбуковых листьев⁶. Некий чиновник, зайдя на кухню, выпрашивает у повара несколько свертков, чтобы преподнести своему начальнику (в надежде, что канцлер не станет проверять, сколько именно рыбы ему прислали). Повар соглашается, но когда чиновник в доме у начальника разворачивает сверток, то вместо рыбы обнаруживает там рваные сандалии и прочий мусор. В гневе он бросается в усадьбу Ёримити к повару, тот ни о чем не знает, но поваренок рассказывает: пока повар отлучался по делам, молодые свитские господина Удзи подменили сверток, чтобы подшутить над чиновником. Их веселая «лихость», *исами*, во многом объясняется тем, что они служат столь важной особе. Другой похожий случай – рассказ 26–17, где действуют люди Мотоцунэ; он лег в основу знаменитого рассказа Акутагавы Рюносукэ «Бататова каша» («Имогаю», 1916 г.).

Возвращаясь к буддийским рассказам, отметим, что мужчины и женщины из рода Фудзивара во множестве представлены в свитке 15-м, где говорится о возрождении в Чистой земле (15–16, 15–31, 15–45, 15–49 и др.). Отчасти с опорой на «Кондзяку» Дж. Китагава писал об амидаизме как аристократическом течении в японском буддизме, в отличие от демократичных культов Каннон и Дзидзо [3, с. 86]. Действительно, в свитках 16-м и 17-м, где речь идет об этих двух бодхисаттвах, Фудзивара почти не появляются (по крайней мере, Фудзивара, известные по другим источникам); впрочем, другие знатные люди там вполне присутствуют.

В рассказе 15–42 речь идет о кончине сыновей регента Фудзивара-но Корэтады (924–972): братья Такаката и Ёситака могли бы сделать блестящую карьеру, но умерли молодыми в пору эпидемии 974 г, оба в один день. Об этом прискорбном событии говорится в «Оокагами»⁷ и «Эйга-моногатари», где внимание сосредоточено на горе матери и на том, что после слу-

⁴ В «Оокагами» тоже рассказано об основании храмов: То:номинэ по повелению Каматари, Ямасина-дэра по повелению Фухито и др. Среди них есть и история создания храма Гокуракудзи, который Мотоцунэ якобы решил построить, еще будучи ребенком [9, с. 158–159].

⁵ Пример – «Сборник наставлений в десяти разделах», «Дзиккинсё:», середины XIII в., где Ёримити и его современники появляются во множестве рассказов (6–11 о преданности государю, 7–12 о мудрости и хитроумии Ёримити и др.).

⁶ О ценных подарках для Митинаги и Ёримити говорится также в рассказах 26–12 и 26–16, чья тема – неожиданное обретение сокровищ, обусловленное делами прежних жизней.

⁷ Ревностный в вере Ёситака просит мать не хоронить его, а читать сутру, но мать не выполняет просьбы, и тогда Ёситака после смерти является к ней во сне и читает стихи о том, что из-за этого он не может вернуться к жизни. После он является и другим людям, тоже слагает стихи, причем один из них о том, что горевать о погибшем не имеет смысла [9, с. 98–100].

чившегося началось возвышение другой ветви рода – той, к которой принадлежал Митинага. В «Кондзяку» главная тема рассказа – разная посмертная судьба братьев. Младший, Ёситака, показан как благочестивый мирянин, почитатель «Лотосовой сутры» и будды Амиды, не способный есть рыбу и птицу на пирах из-за сострадания ко всем живым существам. После смерти его видит во сне один из его выживших друзей, и Ёситака стихами сообщает, что возродился в Чистой земле. А старший, Такаката, является матери как скорбный призрак и сетует, что его слишком быстро похоронили: «Я побывал у царя Эмма, меня судили за грехи. Сказали: его жизнь будет еще долгой, скорее отпустите его! И меня отпустили, я вернулся, но изголовье мое уже поспешили повернуть⁸, духу некуда войти, я не могу ожить, вот и блуждаю. Жестокое дело вы сотворили!» Эти слова перекликаются с теми рассказами свитка 20-го, где герои обмирают, но потом возвращаются к жизни и рассказывают о посмертном суде царя Эмма (санскр. Яма). Отметим, что прежние свои дела не вполне изжил и Ёситака: уже войдя в рай, он слагает стихи по японскому придворному обычаю. Его строки примечательны тем, что в них тема бессмертия звучит дважды: «В прошлом клялись мы с тобой [в дружбе] под луной во дворце Хорай; ныне гуляю я на ветру в мире Высшей Радости». Как и было принято, здесь государев двор описан как обитель даосских бессмертных на острове Хорай (Пэнлай). К историческому эпизоду привязаны по меньшей мере три наставления: что после смерти люди порой возвращаются к жизни, если их карма еще не избыта, поэтому не надо торопиться с похоронами (даже умерших от заразной болезни); что праведность ведет к возрождению в раю, даже если человек не ушел в монахи, а остался мирянином; что при похожих «стартовых условиях» (двое родились в одной семье в одну эпоху, значит, карма прежних жизней у них была примерно одинакова) прижизненные поступки многое могут изменить в дальнейшей судьбе человека.

Особенность «исторического» 11-го свитка «Кондзяку» состоит в том, что там биографии знаменитых монахов разнесены по нескольким рассказам: один и тот же человек появляется сначала как «странник в поисках Закона», привлекательный ученик китайских учителей, а потом, с интервалом в несколько рассказов, как строи-

тель храма, собеседник японских богов *ками* и т.д. Можно ли найти нечто похожее в рассказах о мирянах из рода Фудзивара? Мы проследим лишь за одним героем, который действует в нескольких свитках: это Фудзивара-но Накахира (875–945), «Левый министр [из усадьбы] Бива», сын Мотоцунэ, брат Токихиры и Тадахиры.

В свитке 14-м, посвященном чудесам «Лотосовой сутры», Накахире во сне является его недавно умерший учитель-монах и говорит: я не истратил при жизни свои сбережения, а потому возродился в теле змеи и вынужден теперь охранять тайник с деньгами, спаси меня! Накахира находит тайник и тратит деньги на переписку «Лотосовой сутры»; монах является ему снова и сообщает, что теперь возродится в Чистой земле (14–1). Важно, что в соседних историях об избавлении от дурных перерождений в качестве спасителей действуют не только «наместник края Синано», не названный по имени (14–2) и безымянный же праведный монах (14–3), но также сановник Киби-но Макиби (695–775), так что Накахира сопоставляется с этим знаменитым мудрецом эпохи Нара.

В свитке 20-м, где речь идет о «демонах и духах Японии», мудрость Накахиры подтверждается. Столичный звездочет однажды вычисляет, что в наступившем году двум мужам из рода Фудзивара грозит опасность – Накахире и его племяннику Санэёри (900–970), сыну Тадахиры. Санэёри отправляется молиться в храм Кофукудзи и родовое святилище Касуга, а Накахира не предпринимает ничего. Его «наставник по обрядам», *нори-но си*, спрашивает, не надо ли и за него вознести молитвы, но Накахира отвечает: «Если я начну защищаться от беды, думая, как бы мне не оказаться хуже Правого военачальника [Санэёри], это будет дурно для него. Правый военачальник – человек даровитый и умный, годами еще молод. Ему предстоит долгая служба при дворе. Что до меня, то я стар, надобными качествами не обладаю, даже если и умру – что с того? Так я решил и молиться не стану». Эти слова можно было бы толковать как выражение безверья, отчаяния, но наставник понимает их иначе и в слезах восклицает: «Это лучше сотен, тысяч, десятков тысяч обрядов! Именно этому и учил Будда! Кто забыл о себе и заботится о других, взращивает беспредельно благие корни! Три Сокровища [Будда, учение и община] непременно помогут такому человеку и защитят его. А потому даже и без молений тебе бояться нечего» (20–43). В предыдущем рассказе

⁸ Совершили *макурагаэси*, часть похоронного обряда.

простая женщина живет «легко», не чтит Закон Будды, но однажды случайно находит чудесное растение и становится бессмертной (20–42). В следующем рассказе дворцовый охранник, не боясь оскверниться, помогает соседям в день похорон: он тоже пренебрегает обрядовыми правилами, но движет им милосердие (20–44). Тем самым становится понятнее, в чем состоит мудрость Накахиры.

Как же он научился «легко» относиться ко всему, что по сути не важно? На этот вопрос отчасти дается ответ в рассказе 24–47. Свиток 24-й содержит рассказы о мастерах своего дела: гадалах, врачах, музыкантах и поэтах. Накахира здесь появляется не как стихотворец, а как адресат знаменитой песни. В молодые годы он любил женщину: позже она станет служительницей высочайшей опочивальни и прославится под именем Исэ-но миясудокоро, будет причислена к лучшим поэтессам Японии. Накахира посещал ее «в строжайшей тайне», *имидзiku синобитэ*, но так случилось, что об их связи все-таки узнали в свете, и Накахира перестал бывать у любимой. Исэ тогда сложила песню⁹, и Накахира погрузился в глубокую печаль. Эта история песни перекликается с рассказами свитка 19-го, где несчастная любовь приводит человека на Путь Будды (см.: [1]). Накахира монахом не стал, но некое «пробуждение сердца» пережил. В рассказе 24–54 он упоминается снова как хозяин усадьбы, где разворачивается действие, то есть в одной из ролей обычных для вельмож из рода Фудзивара в «Кондзяку».

«Кондзяку», «Оокагами» и «Кадэн» близки в своих установках при изложении исторических событий (в большей мере это верно для первых двух памятников): такой подход позволяет рассказывать о прошлом иначе, нежели в сухом и последовательном хроникальном стиле, дает возможность показать различные грани жизни. Но подоплека рассказа в этих памятниках, содержащих похожие сюжеты, различна. В «Оокагами» это история власти рода Фудзивара и ее передачи из поколения в поколение [2, с. 215], в «Кадэн» – проникнутая конфуцианским духом попытка найти в истории основания для упрочения существующего положения вещей, заста-

вить историю работать на пользу Фудзивара. В «Кондзяку» с теми же сюжетами обходятся иначе – Фудзивара, как «отдельные» герои или как целый род, не прославляются и не принимают, их судьбы служат материалом для поучительных рассказов, демонстрируют действие непреложных вселенских законов. Так обстоит дело и с воинами в 25-м свитке, и с разбойниками в 29-м – любой человек может стать иллюстрацией реализации принципа воздаяния. В «Кондзяку» из разноплановых историй, словно из цветных лоскутков, создается красочный и многоликий буддийский мир, и «светские» рассказы становятся одним из способов показать все ту же истину. При этом «путь знати» в «Кондзяку» не предполагает непременно буддийского благочестия, хотя во многом именно благие дела предков ради Закона Будды ложатся в основу процветания потомков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабкова М.В. Монашеский и мирской пути в «Собрании стародавних повестей» // Религиоведческие исследования. 2019. № 1. С. 29–49.
2. Дьяконова Е.М. Старцы-рассказчики в «исторических повествованиях» эпох Хэйан и Камакура (XI–XIV вв.) // История и культура Японии. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2002. С. 211–234.
3. Китагава Дж.М. Религия в истории Японии. СПб.: Наука, 2005.
4. Кондзяку моногатари-сю: (Собрание стародавних повестей) // Син Нихон котэн бунгаку тайкэй. Т. 33–37. Под ред. Конно Тоору, Икэгами Дзюнъити, Коминэ Кадзуаки, Мори Масато. Токио: Иванами, 1993–1999.
5. Ли Сиджун. Кондзяку моногатари-сю: маки нидзюни, маки нидзюсан-но ко:сацу. Хэйго-ни араварэта хэнсядзо-о мотомэтэ (Размышления над 22 и 23 свитком «Кондзяку моногатари-сю»). Анализ образа составителя в его выражении через его замечания // То:кё: дайгаку хикаку бунгаку то бунка кэнкю:кай ронсю. 1995. Вып. 11. С. 71–89.
6. Маэда Масаюки. Кондзяку моногатари-сю: Хонтё: Буппо:си-но рэкиси исики – дзиин конрю: вагун-о мэгуттэ (Историческое сознание в буддийском разделе японской части «Собрания стародавних повестей»: группа рассказов об основании храмов) // Нихон бунгаку. 1985. Вып. 34. С. 61–75.
7. Мещеряков А.Н. Возвышение рода Фудзивара (китайская образованность, политическая система и официальная идеология в Японии

⁹ Песня входит в антологию «Кокинсю:» под № 810. В переводе А.А. Долина: «Если б наша любовь || окончилась втайне от света, || любопытным в ответ || я могла бы твердить сквозь слезы, || что напрасны все их догадки».

VII–VIII vv.) // История и культура Японии. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2002. С. 26–62.

8. Нихон сёки. Анналы Японии. В 2-х т. Т. 2. / Пер. и коммент. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997.

9. Оокагами – Великое зеркало / Пер., иссл. и коммент. Е.М. Дьяконовой. СПб.: Гиперион, 2000.

10. Сахарова Е.Б. «Кадэн». Жизнеописание рода Фудзивара // Политическая культура древней Японии / Под ред. А.Н. Мещерякова. М.: РГГУ, 2006. С. 182–255.

11. Сахарова Е.Б. Жизнеописание Фудзивара-но Каматари: континентальные прототипы // История и культура традиционной Японии 2 / Отв. ред. А.Н. Мещеряков. Вып. 39. М.: РГГУ, 2011. С. 8–38.

12. Сёку нихонги: Продолжение «Анналов Японии» / Пер. А.Н. Мещерякова. М.: Дело, 2018.

13. Такэхана Исао. Оокагами-но сэцува – Кондзяку моногатари Кодзидан-то но канкэй-о тю:син-ни ситэ (Рассказы сэцува в «Великом зеркале»: в сопоставлении со «Стародавними повестями» и «Беседами о делах старины») // Яманаси кэнрицу дзё:си танки дайгаку киё:. 1968. Вып. 2. С. 55–70.

14. Тогаси Сусуму. Кансин-но кэйфу – То:си кадэн-ни окэру кунсинкан-то соно токусицу (Генеалогия преданных слуг: взгляд на отношения господина и слуги в «Жизнеописаниях рода Фудзивара» и его особенности) // Нихон бунгаку. 2007. Вып. 56. С. 1–11.

15. Трубникова Н.Н. Злые силы в «Собрании стародавних повестей»: рассказы о демонах, оборотнях и прочей нечисти // Ежегодник Японии. 2019. Т. 48. С. 287–320.

16. Ямаути Харумицу. То:си рэцудэн микан сэцува-но ими: Кондзяку моногатари-сю маки нидзюни сирон (Смысл незавершенности сэцува в серии биографий рода Фудзивара: рассуждения о 22-м свитке «Кондзяку моногатари сю:») // Гумма дайгаку сякай дзё:хо гакубу кэнкю: ронсю:. 1997. Вып. 3. С. 169–180.

17. Kobayashi, H., 1979. The human comedy of Heian Japan: a study of the secular stories in the twelfth-century collection of tales, Konjaku monogatari-shu. Tokyo: The Centre for East Asian Cultural Studies.

18. Sakharova, E.B., 2019. Fujiwara house biography: continental prototypes. Russian Japanology Review, Vol. 2, no. 1, pp. 81–106.

19. Shively, D.H. and McCullough, W.H. eds., 1999. The Cambridge history of Japan. Vol. 2. Heian Japan. Cambridge: Cambridge University Press.

REFERENCES

1. Babkova, M.V., 2019. Monasheskii i mirskoi puti v «Sobranii starodavnikh povestei» [The ways of monks and laymen in Konjaku Monogatari-shū], Religiovedcheskie issledovaniya, no. 1, pp. 29–49. (in Russ.)

2. Dyakonova, E.M., 2002. Startsy-rasskazchiki v «istoricheskikh povestvovaniyakh» epokh Heian i Kamakura (XI–XIV vv.) [Elder narrators in Heian and Kamakura «historic tales»]. In: Istoriya i kul'tura Yaponii. Moskva: IV RAN; Kraft+, 2002, pp. 211–234. (in Russ.)

3. Kitagawa, J.M., 2005. Religiya v istorii Yaponii [Religion in Japanese history]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)

4. 今昔物語集 [Konjaku Monogatari-shu]. 新日本古典文学大系. Vol. 33–37. 東京: 岩波書店, 1993–1999. (in Japanese)

5. 李市埜, 1995. 『今昔物語集』卷二十二 卷二十三の考察 [Reflections on Books 22 and 23 of Konjaku Monogatari-shu], 東京大学比較文学文化研究会論集, Vol. 11, pp. 71–89. (in Japanese)

6. 前田雅之, 1985. 今昔物語集本朝仏法史の歴史意識 : 寺院建立話群をめぐって [The historic consciousness of Honcho-Buppo-Shi in Konjaku Monogatari-shu: a group of stories related to the construction of temples], 日本文学, Vol. 34, pp. 61–75. (in Japanese)

7. Meshcheryakov, A.N., 2002. Vozvyshenie roda Fudzivara (kitaiskaya obrazovannost', politicheskaya sistema i ofitsial'naya ideologiya v Yaponii VII–VIII vv. [The rise of the Fujiwara clan (Chinese education, political system, and official ideology in Japan in the VIIth and VIIIth century)]. In: Istoriya i kul'tura Yaponii. Moskva: IV RAN; Kraft+, 2002, pp. 211–234. (in Russ.)

8. Nihon Shoki. Annali Yaponii [Nihon Shoki. The chronicles of Japan]. Vol. 2. Sankt-Peterburg: Giperion, 1997. (in Russ.)

9. Ookagami – Velikoe zertsalo [Ōkagami – The great mirror]. Sankt-Peterburg: Giperion. (in Russ.)

10. Sakharova, E.B., 2006. «Kaden». Zhizneopisanie roda Fudzivara [«Kaden». Biographical record of the Fujiwara clan]. In: Meshcheryakov, A.N. ed., 2006. Politicheskaya kul'tura drevnei Yaponii. Moskva: RGGU, pp. 182–255. (in Russ.)

11. Sakharova, E.B., 2011. Zhizneopisanie Fudzivara-no Kamatari: kontinentalnye prototipi [The biography of Fujiwara-no Kamatari: the continental prototypes]. In: Meshcheryakov, A.N. ed., 2011. Istoriya i kul'tura traditsionnoi Yaponii

2. Vyp. 39. Moskva: RGGU, pp. 8–38. (in Russ.)
12. Syoku nikhongi. Prodolzhenie «Annalov Yaponii» [Shoku Nihongi. «Annals of Japan» continued]. Moskva: Delo, 2018. (in Russ.)
13. 竹鼻 績, 1968. 大鏡の説話: 今昔物語 古事談との関係を中心として [Studies on eales in the Ōkagami: connections with Konjaku Monogatari-shu and Kojidan], 山梨県立女子短期大学紀要, no. 2, pp. 55–70. (in Japanese)
14. 富樫 進, 2007. 諫臣の系譜: 『藤氏家伝』における君臣観とその特質 [The tradition of loyalty: the ideal relationship between master and man in Fujishi-kaden], 日本文学, Vol. 56, pp. 1–11. (in Japanese)
15. Trubnikova, N.N., 2019. Zlye sily v «Sobranii starodavnikh povestei»: rasskazy o demonakh, oborotnyakh i prochei nechesti [Evil forces in Konjaku Monogatari-shu: stories about demons, foxes, and other devilry], Ezhegodnik Yaponiya, Vol. 48, pp. 287–320. (in Russ.)
16. 山内春光, 1997. 藤氏列伝未完説話の意味: 今昔物語集巻二十二試論 [On the significance of the incompleteness of volume 22 of Konjaku Monogatari-shu], 群馬大学社会情報学部研究論集, no. 3, pp. 169–180. (in Japanese)
17. Kobayashi, H., 1979. The human comedy of Heian Japan: a study of the secular stories in the twelfth-century collection of tales, Konjaku monogatari-shu. Tokyo: The Centre for East Asian Cultural Studies.
18. Sakharova, E.B., 2019. Fujiwara house biography: continental prototypes. Russian Japanology Review, Vol. 2, no. 1, pp. 81–106.
19. Shively, D.H. and McCullough, W.H. eds., 1999. The Cambridge history of Japan. Vol. 2. Heian Japan. Cambridge: Cambridge University Press.